

К БИОГРАФИИ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА НЕМЧИНОВА

Ниже мы приводим публикацию, подготовленную Александром Александровичем Жировым для настоящего сборника. Текст является копией с оригинала, принадлежащего перу неизвестного автора начала XX в. Текст этот представляет интерес во многих отношениях. Вот юность, проведенная в обучении ремеслам и труде, первые заработки, угроза попасть в солдаты. Вот разлука с родителями, родным городом – поездка в далекую чужую Кяхту, где купцы богатели быстро. Вот и первый, самостоятельно «сделанный» капитал.

Биография проливает свет и на заявленную тематику нашего сборника: рисует взаимоотношения купца и доверенного служащего, в данном случае Михаила Немчинова и тарского купца В. Х. Мосиевского, Михаила и его дяди Якова Андреевича Немчинова – по оценке А. А. Жирова – богатейшего предпринимателя Сибири. Безыскусные строки биографии наглядно показывают, какую роль играл доверенный приказчик в организации торговли купца, насколько велики могли быть его полномочия, как строились личностные отношения Михаила и Якова Андреевича. Материалы биографии использовались Александром Александровичем Жировым, обнаружившим нижеприводимый текст в национальном архиве республики Бурятия. Сноски и примечания к тексту подготовлены А. А. Жировым.

ОТРЫВКИ*

*из неоконченных записей неизвестного автора биографии
Кяхтинского купца Михаила Федоровича Немчинова, родившегося в
г. Таре Тобольской губернии в семье отставного солдата
Федора Немчинова¹*

"... Кончив учение, занялся под руководством родителя домашним бытом, рубил дрова, косил сено, возил все это, одно лето носил кирпич на церковь, получая 40 коп. в день, завелось семь скотин: лошадей 4 и коров 3, между этим выучился делать стулья, столы, шкапы, рамы, вставлять стекла, и на четырнадцатом году все это знал вполне; и уже работал у Решикова столярную работу по 1 руб. 25 коп. в день;

* Пунктуация, стиль и орфография подлинника

¹ НАРБ. Ф.11. Оп.1. Д.137. Л.1-10. Подлинник

но представился другой случай более выгодный: поступить в приказчики к тарскому купцу Василию Харламовичу Мосевскому для торговли по уезду с крестьянами, а кто не знает, насколько эта торговля разнообразна, везя большой ларь под словом "фурман" на двух больших лошадях набитый на деревенскую руку начиная с булавки и до головных кокошников вышитый мишурой, и с чарков до сафьяновых красных, с букетом на передке зеленых лент, и зеленого цвета с красной лентой, так же все плательное, и затем крючки, запонки, застежки, серьги, колечки, пояски с мишурными бубенчиками и всего этого дребеденя на 8000 руб. в то время ассигнациями, можно было заместить огромный магазин лишь бы было разоставлено тщательным образом и опытной рукой, за две поездки продолжающихся по два месяца вместе с хозяином; Немчинов получил все это уже на свой отчет и продолжал ездить один с работником, зауча эту торговлю и мягкостью природного характера нашел любовь крестьян и крестьянок, которые из любви к доброте Немчинова иногда переплачивали лишнюю копейку, а это и дало его хозяину хорошие барыши, и хозяин платил Немчинову 20 руб. ассиг. месячного жалования, и сверх того делал награды. Окапировавшись денежными средствами и рассуждал о предстоящей военной службе воображал ее по тому времени неотрадную по отзывам; перевернулся – быют и недовернулся – быют, стало заботить молодого Немчинова, а привлечение к другому призванию стало наводить грусть на всю семью, поэтому, имея деньжонку, пришла мысль еще попытаться, счастья выйти в мещане, или уже предоставить Богу судьбу: чему быть тому не миновать, выискался адвокат – секретарь полиции, добрый человек, взял 100 руб. и три пары уток, повести дело и был благодарным, объявил пока не исходатайствует свободы Немчинову не возьмет ничего, а облакачивался он на успех дела через брата его бывшего советником в Тобольске, и вот прошение пошло по принадлежности . . . и когда, чрез полтора года получилось сведение чрез тарскую полицию объявить отставному солдату Федору Немчинову, что сына его причислить к податному состоянию в мещане и взыскать подати; восторг всей семьи был неписанный, слезы радости немогущия выразить слов, а лишь сопровождалась общими объятиями и сладкими слезами и матерними причитаниями, вот, наконец успокоясь возник вопрос платы за ходатайство и за подати, а еще на радостное по русскому обычаю угощение, денег не хватало; отец выразился, что продаст весь скот и последнюю его сивую кобылу, как проматерь его скотоводства, и сверх того продаст последнюю рубаху и останется доволен тем, что сын его солнце останется при нем. . . . Добрые соседи и родные были все рады этому счастью старика Немчинова – все любили, он был старик умный, находчив и назывался всегда сверстниками "брат Федор", молоды-

ми – "добрый дядюшка Федор". . . и старик Немчинов до самой смерти был шутилив до анекдотов и пословиц; у молодого М. Немчинова стали рождаться идеи соискательства прочной будущей жизни и волей Божией не много надо было внушить ему, что есть Кяхта, зовется золотое дно; и мечте его пособил добрый благородный родстволнительный и богопочитательный старец Андрей Семенович Немчинов, дядя М. Немчинову хотя и в третьем колене, но с чувствами пособи ближним твоим; а это было не тяжело, сын его, Яков Андреевич, став тоже по заслугам чрез обожаемого добродетелями общего дяди Ивана Михайловича Немчинова, которого помнит Кяхта и до ныне; и чрез свою смековатую торговую деятельность Яков Немчинов стал купцом первой гильдии и комиссионером от других, и ныне уж за добрые дела его и умения вести дело – коммерции советник и кавалер орденов Станислава и Анны; в том время проезжая чрез Тару в 1846 году в Нижегородскую ярмарку с купцом же Александром Котельниковым, по рекомендации его отца о М. Немчинове с хорошей стороны, заявил желание принять М. Немчинова к себе на службу.

Товары Якова Андреевича должны были пойти в Кяхту на своих лошадях, и Михаил принял предложение быть работником и бесплатно лошадьми руководить, т. е. связкой запрягая и выпрягая на каждой станции. Самым грустным моментом в жизни Михаила Немчинова было расставание с родителями. . .

И вот, наконец, он в Кяхте среди незнакомых, но скоро приобрел уважение хозяина Якова Андреевича и служащих. А также, живущие в Кяхте китайцы определили по физиономии, что Михаил Немчинов парень добрый. Когда Яков Андреевич уехал на Нижегородскую ярмарку, на Михаила Немчинова легла обязанность эконома. Он с увлечением начал учиться, читал много книг, какие ему попадались под руку, здесь и церковные и светские, добрался до истории Конфуция и современных журналов. В свободное время взял себе за правило каждый день в Гостиный двор, где ознакомился со всеми артикулами товаров проходящих в Китай и привозящих из Китая чаями, переписал для себя положение на обмен товаров с китайцами, сортировку всем чаям, выучив китайские буквы, и нередко просиживая целые ночи без сна. Вскоре он сошелся с гостинодворцами, особенно ведущими большое дело известными Лебедевым, Тихомировым и другими, и сам стал понемногу торговать мелкими товарами. Купил себе Михаил новый наряд: широкие плисовые штаны, алую рубаху, красный с кистями кушак, плоскую фуражку с кисточкой, когда через 4 месяца осенью воротился хозяин Яков Андреевич, то нашел Немчинова совсем не таким мужиком как оставил, а когда коснулось до дела, то к удивлению дяди многое уже знал Михаил. И вот с этого времени стал Михаил Немчинов доверен-

ным купца Якова Немчинова по торговле, и посылали его в гостиный двор и в таможеню. Нелегко было молодому Немчинову заниматься с таможеней, особенно бухгалтерский стол, где доводилось выдерживать крупные споры по роду объявлений, росписей реестров переводам пошлин и т. п., однако Немчинов сумел разобрать всю эту паутину и снискал любовь всех таможенных чиновников от директора до досмотрщика, а солдаты, служащие при таможене, любили Немчинова больше всех за то, что он без причины никуда не гонял, а все было предварительно обдуманно. Так прослужил Михаил Федорович Немчинов у Якова Андреевича Немчинова до 1855 года, стал он купцом третьей гильдии. Теперь Немчинов решил отойти от хозяина и повести свое дело.

В звании купца третьей гильдии с 1856 года на 17 рублей он купил 300 ящиков чая в Китае, продал их, капитал его вырос до 35 рублей. Лишь открыл дорогу в Китай, отправил капитал, на который приобрел чай в Ханькоу и в то же время открыл торговлю в монгольский город Ургу. В Кяхте он купил два дома: один – небольшой со всем хозяйством, второй – трехэтажный с балконами и садом, с хозяйскими постройками. Для обработки товаров организовал свою артель рабочих.

В 1857 году он женился по любви на небогатой девушке мещанке, выучил ее грамоте и гордился, что жена его вышла хорошая мать детям, которых у них было 10 человек, 7 сыновей и 3 дочери (в живых лишь 2 сына и 3 дочери)² и примерная хозяйка, уважаемая в обществе. Матрена Дмитриевна, так звали жену Михаила Федоровича, завела огородничество при р. Чикой, выписывала специальные брошюры и применяла к местному климату (в Кяхте лето без дождя, а зима без снега), помогали ей два огородника-китайца. Была она и искусной рукодельницей, на все ее хватало. Сумела воспитать свою младшую сестру Александру Дмитриевну и выдать ее замуж за купца первой гильдии Михаила Григорьевича Орлова³.

Михаил Федорович был выбран компаньоном Кяхтинского купечества. По просьбе компаньона он собрал образцы чаев для высылки министру Броку в доказательство, что Кяхтинские чаи хороши сами собой и что их извращают в России с чаями разных смесей. . . »⁴.

² Федор, Петр, Екатерина, Феоктиста, Августа

³ Орловы жили в Москве.

⁴ На этом записи обрываются.